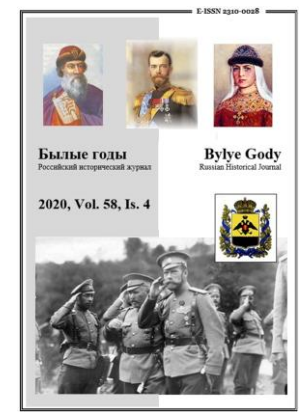

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research
 Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 58. Is. 4. pp. 2742-2755. 2020
 DOI: 10.13187/bg.2020.4.2742
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Eschatological Representations of the Tsarist Elite on the Eve of the Great Russian Revolution

Paul L. Karabushenko ^a, Elena E. Krasnozhenova ^{b, *}, Sergey V. Kulik ^b

^a Astrakhan State University, Astrakhan, Russian Federation

^b Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

Abstract

The Great Russian revolution of 1917 was the fatal event in the life of the tsarist elites, which they could not overcome and which broke them as the basis of the system of making and implementing managerial decisions. The growth of crisis phenomena in the Russian Empire led to the growth of the revolutionary movement, which in turn had a direct impact on the formation of negative moods in the ruling elites and a premonition of the coming end of their existence. The reign of the last two Russian emperors simultaneously became the time of the last rise of Russian Imperial power and a time of deep systemic political crisis. Attempts to understand the essence of these events were made by the elites at the same time in their course. But these assessments were not always objective and constructive.

In their memoirs, many representatives of the political class of Russia sought to give a fairly objective, although not always scientific, assessment of the events taking place in the country related to the systemic crisis of the management system. Some (such as General A. I. Denikin) pointed out that the authorities were late with the reforms being carried out in the country, while others (such as K. N. Pobedonostsev) argued that the country was not "frozen" enough and that it should be "frozen" even more. This paper examines the features of the worldview of the elite associated with their feelings of socio-political reality on the eve of a revolutionary revolution. Their eschatological premonitions were predetermined by a sense of their own historical impotence and inability to change the situation for the better by their own efforts.

Keywords: elite, revolution, eschatology, chaos, crisis, governance, autocracy, tsarism, carnival political culture, memoirs.

1. Введение

Рост революционного движения в Российской империи заставлял ее критически мыслящие умы предпринять попытки переоценки своих и общественных ценностей. Предчувствия того, что история монархии в России добром не закончится, посещало многих представителей высшего света нашего Отечества, начиная еще со времен князя Курбского и Павла I. Томимые подобными эсхатологическими предчувствиями, они указывали на существование пороков, которые, по их мнению, и должны привести русское самодержавие к неминуемой революционной катастрофе. Ф.Ф. Вигель указывал на произвол бюрократии (Вигель, 2000: 240), К.Н. Победоносцев в качестве основной причины видел процесс демократизации (Победоносцев, 1993: 34, 51), а граф С.Ю. Витте – в слабой фигуре самого последнего русского самодержца (Витте, 1994. Т. 3: 125).

В 1901 г. граф Л.Н. Толстой обратился к царю и его сановникам с предупреждением о грядущей социально-политической катастрофе. Но правящая царская элита его не услышала или не пожелала услышать. Граф в том обращении отмечал: «Вам или большинству из вас [царскому окружению] кажется, что все происходит оттого, что среди правильного течения жизни являются какие-то беспокойные, недовольные люди, мутящие народ и нарушающие это правильное течение, что

* Corresponding author

E-mail addresses: eleena@inbox.ru (E.E. Krasnozhenova)

виноваты во всем только эти люди, что надо усмирить, обуздать этих беспокойных, недовольных людей, и тогда опять все будет хорошо, и изменять ничего не надо» (Толстой, 1984: 192-194). И далее писатель указывал, что «если бы все дело было в беспокойных и злых людях, то стоило бы только переловить, заключить их в тюрьмы, сослать или казнить, и все волнения окончились бы. ...Ясно, что недовольство происходит не от беспокойных и злых людей, а от чего-то другого» (Толстой, 1984: 194). Граф приходит к выводу о том, что виноваты не злые, беспокойные люди, а правительство, не желающее видеть ничего, кроме своего спокойствия в настоящую минуту (Толстой, 1984: 194). И подобного рода предупреждения слышались тогда с многих сторон, и практически все были проигнорированы властями, не желавшими слушать в свой адрес какую-либо критику.

Тем не менее вопрос о том, что думали сами царские элиты по поводу своего бытия, роли в обществе и месте в политической системе государства, остается открытым и не до конца исследованным современной общественной наукой. Для исторической элитологии ключевым является вопрос диагностики качества элитных сообществ конкретной эпохи, установления их точных параметров, выявления располагаемых ими ресурсов, стратегий и смыслов развития. Именно среди субъектов элит чаще встречаются те, кто оставляет после себя письменные свидетельства эпохи, создает мемуарную литературу. В контексте этой традиции мы имеем возможность раскрыть мировоззренческие особенности этой высшей аристократии, которой принимались решения и вырабатывались стратегии развития государства и общества в целом. В данном исследовании мы акцентируем внимание лишь на одной проблеме – эсхатологических предчувствиях элит как попытке осмысления конца своего исторического времени.

2. Материалы и методы

Исходя из вышеизложенного, *объектом* настоящего исследования является общий кризис царизма, *предметом* – стремление осмыслить нарастающий кризис самодержавия российским элитным сообществом (это не только непосредственно действующие политики, но и представители высшего света, из которого складывалась политическая элита имперской России). Среди источников основной упор делается на мемуарную литературу, в которой отразились взгляды, представления и ощущения представителей высшего общества о надвигающейся неминуемой катастрофе самодержавной России.¹

Основной *задачей* нашей работы является выявление характера эсхатологических представлений в правящем классе царской России кануна Великой русской революции 1917 г. Для реализации поставленной задачи был использован целый комплекс методов от диалектики и герменевтики до компаративистики и семиотики.

Диалектический метод позволяет видеть происходившие в то время события в общем фактологическом контексте, постоянно учитывая существовавшие противоречия, которые приводят ныне к разночтению в даваемых современниками оценках тех событий. Видеть все эти культурно-исторические связи, рассматривать внутреннее содержание конфликта общественного мнения как борьбу противоположностей значит объективно и непредвзято оценивать качество тех событий.

Поскольку мы имеем дело с текстами различных авторов, содержащими их политические убеждения и субъективное восприятие бытовых и общественных явлений, постоянно возникают разночтения в понимании и интерпретации их позиций. Справиться с этой сложностью нам помогает *герменевтика*, позволяющая интерпретировать тексты и по-новому взглянуть на конкретные исторические события.

Сравнение многочисленных оценок действительности, данных царскими элитами, дает возможность выявить как общее, так и отличное в данной социокультурной реальности. Использование *семиотики* позволяет понять внутренние смыслы тех социокультурных традиций, которые существовали в общественной жизни высшего света на рубеже XIX–XX столетий. Без знания существовавших тогда культурных кодов адекватно осмыслить происходившие события просто невозможно.

Для более четкого понимания сущности рассматриваемого вопроса необходимо разделить имеющиеся в нашем распоряжении источники на дореволюционные и написанные после 1917 г. Анализ первой группы указывает на то, что они действительно отражают имевшуюся в то время в высшем обществе неясную (необъяснимую) тревогу за судьбы России и своего класса (Ф.Ф. Вигель, С.Ю. Витте и др.), тогда как вторые уже содержат откровенное признание, осуждение, а в отдельных случаях даже покаяние за случившееся (Т.Е. Боткина, А.И. Деникин и др.). Открытым остается вопрос: насколько имеющаяся мемуарная литература отражает настроение представителей правящего класса? В подобных источниках мы должны отделять их личные позиции от того, что они выражают от лица своего сословного круга. В последнем (естественно) обнаруживается больше

¹ Понятие «высший свет» или «высшее общество» носит социокультурный характер и условно обозначает привилегированную часть российского общества, из которой выходили представители различных элитных групп того времени. В мемуарной литературе это понятие довольно часто фигурирует для обозначения социокультурной «среды обитания» («образа жизни») с определенными бытовыми и моральными нормами поведения.

общности позиций, чем в первом случае. И эту особенность мы должны всегда учитывать, рассматривая свидетельства конкретных участников и очевидцев тех событий.

В своей работе мы оставляем за скобками дневники и мемуары представителей культурной и религиозной элит (это отдельная большая тема) и сосредотачиваемся исключительно на свидетельствах тех очевидцев, которые имели отношение к политическим структурам тогдашней России. Именно они в наибольшей мере передают представления о своей «кастовой» сословной и политической исключительности, формулируют понимание избранности и выражают общие сословные притязания на привилегии и иные статусные позиции.

Хронологическими рамками работы являются годы царствования двух последних императоров (Александра III и Николая II) – 1881–1917 гг. (время, когда нарастал ставший фатальным для Российской империи системный кризис).

Используемый нами элитологический подход не часто применяется исторической наукой и предусматривает анализ событий с элитарных позиций своего времени. Вместе с тем он весьма активно употребляется в других общественных дисциплинах (политологии, социологии) и зарекомендовал себя с весьма хорошей стороны. В основе используемого понятийного аппарата лежит предложенная элитологией схема структурирования элит по их профессиональным видам деятельности.

Что есть элита? Что мы конкретно понимаем под этим термином? Элита есть система, которая организует себя и организует общество, культуру, политику и т.д. по тем своим канонам, которые считает наиболее приносящими всем благо (Ашин, 2010). В рамках рассматриваемой проблемы термин «царские элиты» мы употребляем во множественном числе потому, что как таковая элита распадалась на профессиональные сообщества, имевшие весьма определенные специфические особенности: были элиты чиновническая, военная, научная, церковная и т.п. И субъекты различных этих профессиональных сообществ внутренне отличались друг от друга, хотя внешне и представляли некое единство и даже монолит.

Сам термин «элиты» мы употребляем в двух значениях: 1) в широком смысле – это тот социально-политический привилегированный класс, который служил опорой царизма и 2) в узком значении – организованное монархией политическое (т.е. активное) меньшинство как «механизм», непосредственно выполняющий управленческую функцию самодержавия в различных профессиональных сферах деятельности.

Элиту в царской России составляли те, кто в самодержавном контексте выражал и поддерживал монархический подтекст своей эпохи; это прежде всего чиновническое сословие, выполнявшее политические управленческие функции государственного самодержавного механизма; тот социокультурный класс, из которого создавалась эта элита.

В этой связи предлагается следующая структура элиты российской империи. «Царская элита» – социально-политическая опора самодержавия. Выделяют два ее вида: 1) «царская политическая элита» – административно сплоченная группа монархистов, приверженцев абсолютизма, олицетворяющая высшую власть в российской империи (К.Н. Победоносцев, С.Ю. Витте и др.) и 2) «царская неполитическая элита» – аристократические круги, включающие представителей царской семьи и олигархата. «Контрэлита» представляет собой весьма пеструю группировку противников абсолютизма, включающую в себя как представителей конституционной монархии («либералов» типа генерала А.И. Деникина), так и радикалов (анархистов типа П.А. Кропоткина). Помимо указанных, следует выделять также элиты по профессиональному признаку: военную, церковную, хозяйственную (финансово-промышленную), научную, культурную. Все вместе они составляли сообщество элит Российской империи.

3. Обсуждение

Элиты последних русских самодержцев. Как утверждают сторонники элитистского подхода к истории (Н. Макиавелли, Т. Карлейль, Ф. Ницше, А. Тойнби), история любого государства состоит на 90 % из истории элит и лидеров. В книге «Герои, почитание героев и героическое в истории» (1841 г.) английский историк Т. Карлейль сформулировал базовые принципы этого подхода: «всемирная история, история того, что человек совершил в этом мире, есть, по моему разумению, в сущности, история великих людей, потрудившихся здесь, на земле. Они, эти великие люди, были вождями человечества, воспитателями, образцами и, в широком смысле, творцами всего того, что вся масса людей вообще стремилась осуществить, чего она хотела достигнуть; все, содеянное в этом мире, представляет, в сущности, внешний материальный результат, практическую реализацию и воплощение мыслей, принадлежащих великим людям, посланным в наш мир. История этих последних составляет поистине душу всей мировой истории» (Карлейль, 1994: 6).

Историография представлена дореволюционными, советскими, русскими эмигрантскими и зарубежными исследованиями. Ее можно разделить на персоналии и работы, посвященные важнейшим событиям. Интерес к правящей элите и ее роли в управлении страной проявлялся еще в конце XIX в., но возможности для изучения данной проблемы были тогда весьма ограничены (Богучарский, 1912; Глинский, 1913). При Николае II появились исследования, посвященные Александру III (Корольков, 1901; Попов, 1913).

Ряд публикаций вышел в свет сразу же после революции 1917 г. В послереволюционной литературе интерес к императорской России был крайне снижен. В соответствии с марксистским подходом советские историки основное внимание уделяли анализу социально-экономических процессов. Однако выходили в свет труды, посвященные самим Романовым и их окружению (Левин, 1919; Водовозов, 1922; Любош, 1924; Чулков, 1928).

Заметную веху в советской историографии составили работы П.А.Зайончковского о государственных деятелях второй половины XIX в. (Зайончковский, 1964; Зайончковский, 1970). В трудах Ю.Б. Соловьева, Л.Г. Захаровой исследуется кризис самодержавной монархии на рубеже XIX–XX вв. в условиях роста влияния придворной аристократии на политические процессы в стране (Соловьев, 1973; Захарова, 1972). Политическая биография Николая II представлена в монографии М.К. Касвинова (Касвинов, 1989). В работах Г.З. Иоффе рассмотрены события, происходившие с царской семьей и вокруг нее после февраля 1917 г. (Иоффе, 1977; Иоффе, 1992).

С конца 1980-х гг. начался новый период отечественной историографии. Подход к освещению эпохи последнего царствования в советской исторической науке постепенно менялся. Однако исторические труды по-прежнему не были лишены идеологических штампов. В работах представлена повседневная жизнь окружения Александра III, показаны взаимоотношения самодержавия с высшим дворянством в конце XIX – начале XX вв. (Зимин, 2011; Соловьев, 1990; Твардовская, 1997; Чуриуха, 2001).

Необходимо отметить исследования советских историков А.Я. Авреха и В.С. Дякина по истории царизма накануне 1917 г. (Аврех, 1989; Дякин, 1988). Биография Николая II и судьбы императорского окружения в целом представлены в работах А.Н. Боханова (Боханов, 1997; Боханов, 1993). Отношения высшей правящей бюрократии с придворной, военной, политической и общественной элитами накануне Февральской революции показаны в исследовании С.В. Куликова (Куликов, 2004). В начале 1990-х гг. были опубликованы исследования о государственных деятелях начала XX в. (Зырянов, 1992; Ананьич, Ганелин, 1999; Боханов, 1995; Корелин, Степанов, 1998; Островский, 1992). Указанные работы, несомненно, обогатили отечественную историографию, позволили раскрыть роль отдельных государственных деятелей в принятии политических решений.

Настроения царской элиты кануна Великой русской революции исследовались и в зарубежной историографии, в том числе в среде российской эмиграции. Так, жизнь придворной элиты периода Александра III показана в работе Р. Уортмана (Уортман, 2004). Политическая обстановка эпохи Николая II рассмотрена С.С. Ольденбургом (Ольденбург, 1991). Среди зарубежных исследователей необходимо отметить Д. Ливена, который ставит своей задачей «понять, какой тип людей правил Россией в последние годы империи», и нарисовать коллективный портрет правящей элиты, изучить ее «ценности, взгляды и умонастроения», а также проследить, каким образом они формировались (Lieven, 1989). Эпоха Николая II показана в работах зарубежных авторов (Гереш, 1998; Труайя, 2003; Кинг, Вильсон, 2000; Ферро, 1991; Масси, 1996; Кинг, 2000; Каррер д'Анкосс, 2006; Erickson, 2001). Для зарубежной историографии характерны реабилитация Николая II, а также привлечение источников зарубежного происхождения, эмиграционной литературы.

На современном этапе развития отечественной историографии можно обнаружить ряд работ по исследуемой в статье проблеме. Политическая и общественная деятельность отдельных представителей императорского окружения рассматривается в работах Б.И. Колоницкого (Колоницкий, 2010; Колоницкий, 2001). Следует отметить исследования Б.В. Ананьича и Р.Ш. Ганелина, А.П. Корелина и С.А. Степанова, в которых представлены сюжеты о придворных интригах (Ананьич, Ганелин, 1999; Карелин, Степанов, 1998).

Мемуары как отражение общественного мнения элиты. Вольнодумство на Руси всегда воспринималось как обозначение дороги к неповиновению, бунту, смуте. Среди аристократов и дворян первыми революционерами слыли декабристы и их многочисленные тайные общества (Лотман, 1949; Мироненко, 2017). Любой либерал того времени воспринимался и оценивался как опасный революционер, поскольку ратовал за проведение реформ в духе конституционной монархии (Вигель, 2000: 162).

Сам высший свет царской России всегда был своего рода барометром, по которому определялось самочувствие русского самодержавия. И когда он выдавал тревожные сигналы, начинало лихорадить и всю социально-политическую систему царизма, для которой революция в России означала самоубийство. Россия, которую элита знала и любила, исчезла навсегда (Боткина, 2010: 425). И эта потеря стала ее наказанием за то, что она, имея все, так незначительно им управляла.

При характеристике источников личного происхождения особое внимание следует обратить на дневники и переписку представителей элиты рассматриваемого периода. Прежде всего необходимо отметить воспоминания лиц, занимавших ключевое придворное положение, хорошо знавших особенности царского двора (Мосолов, 1992; Воейков, 1995; Жильяр, 1991; Юсупов, 2001; Тютчева, 1990; Романов, 1998; Дневники императора Николая II (1894–1918), 2011; Витте, 1994; Коковцов, 1992; Курлов, 1992). Все данные воспоминания носят выраженный промонархический характер. Тем не менее они дают возможность воссоздать исторически достоверную картину придворной жизни царствования последних русских самодержцев.

В рассматриваемый период многие вели дневники и писали мемуары. По этим записям видно, как менялось настроение высшего общества, какие проблемы и вопросы его волновали, а что оставалось вне поля зрения. Предчувствием наступления чего-то негативного в его жизни пронизаны многие мемуары того времени. Это не только присутствующий в тексте пессимизм и упадничество, но и многочисленные оговорки, свидетельствующие о том, что этот мир царских элит вступил в свою финальную стадию развития.

В мемуарах тех лет все больше ощущается какой-то пессимизм. Даже Ф.Ф. Вигель, описывая Россию на взлете ее политического могущества, неуверенно отзывался о ее перспективах (Вигель, 2000). Гнетущее напряжение чувствуется и в тексте мемуаров А.М. Фадеева – дяди графа С.Ю. Витте (Фадеев, 1897). Нотки откровенного пессимизма звучат в характеристиках последнего русского царя и у самого С.Ю. Витте (Витте, 1994, Т. 1).¹ Русское общество трезво оценивало характер своей политической и социальной системы и предчувствовало, что именно ее изъяны могут впоследствии стать ее историческими могильщиками. Даже обер-прокурор Священного Синода К.П. Победоносцев, противопоставляя «чиновничество» и «здравых и простых людей», в одном из писем к Александру III в 1881 г. был вынужден признать очевидное: «все зло у нас шло сверху, от чиновничества, а не снизу» (Победоносцев, 1925: 338, 346).

Дочь последнего лейб-медика Е.С. Боткина (1865–1918) Татьяна (1898–1986) признавалась, что писать мемуары ее побудило наивное желание «возродить в воспоминаниях волшебный мир далекой молодости» (Боткина, 2010: 61). Примечательно, что она издала их в 1921 г., когда ей самой исполнилось всего 23 года...

Хозяйка политического салона в Санкт-Петербурге, известная представительница «высшего света» графиня Мария Эдуардовна Клейнмихель (1846–1931) принимала многих известных политиков, дипломатов, царских сановников и членов императорской фамилии (Осин, 2013). Ее мемуары раскрывают неизвестные страницы из жизни российской аристократии того времени, а описание поведения отдельных субъектов элиты объясняет многое в истории последнего русского самодержца. Мнение графини заслуживает нашего внимания в силу того, что ее свидетельства зафиксировали события изнутри самого «высшего света». Они шокируют человека, несведущего в его делах, привыкшего верить официальной версии истории. Но как раз именно подобными своими откровениями М.Э. Клейнмихель невольно разоблачает ложность ореола святости правящих кругов того времени. «Те, которым редко приходится бывать у послов, министров, вообще сильных мира сего, – признается Мария Эдуардовна, – принимают на веру все, что касается этих господ, и придают большое значение их словам и делам. Если бы только знали, сколько ребячества кроется часто за этими словами и делами!» (Осин, 2013). Иначе говоря, графиня откровенно указывает на то, что подобным господам нет никакой веры, а сами они представляют собой напыщенные политические маски.

На критических позициях стоял и граф С.Ю. Витте, которого последний царь считал своим самым злым личным критиком. В своих мемуарах граф всячески подчеркивал достоинства царствования Александра III и провальную политику его преемника – Николая II. Александр III был для него идеальным правителем. И напротив, Николай II оценивался им как жалкое подобие своего отца – человек образованный, но не умный, порядочный в частной жизни, но бесполезный в жизни политической (Витте, 1994, Т. 1: 187–188; 375). Витте явно сводил личные счёты с последним русским царем. Поэтому его свидетельства весьма часто переходят барьер этического приличия. Наблюдаемая им чехарда в правительстве приводила его к убеждению, что царствование Николая II должно завершиться какой-то крупной политической катастрофой (Витте, 1994, Т. 1: 238; Витте, 1994, Т. 3: 4).

Некоторые авторы весьма серьезно относились к своим записям и даже заручались свидетельскими показаниями других очевидцев. Так, военный министр Российской империи (1898–1904 гг.) генерал от инфантерии А.Н. Куропаткин (1848–1925) «день за днем описывал с величайшей подробностью обстоятельства своей жизни, военной и государственной деятельности». На страницах везде были пометки «Верно» и стояла подпись. «Оказалось, что Куропаткин, записывая бывший с кем-либо важный разговор, при следующем свидании просил это лицо подтвердить правильность записи» (Деникин, 2015: 209). Однажды Николай II попросил Куропаткина познакомиться с этими его «записями». И он по ошибке дал императору одну тетрадь, где критически отзывался о нем самом. Царь прочел и деликатно заметил: «Да, интересно». После этого карьера генерала пошла под гору... (Деникин, 2015: 209).

Были авторы, которые не страдали «горем от ума» – профессиональной болезнью русского интеллигента. Прямолинейные и бесхитростные натуры также прямолинейно и писали. К их числу относится генерал А.А. Мосолов (1854–1939), который с 1900 по 1916 гг. был начальником канцелярии Министерства двора и человеком, достаточно близко знавшим Николая II (Мосолов, 1938). По отзывам современников, сам А.А. Мосолов был не слишком умным и поэтому не

¹ Анализ мемуарной литературы предшествующей эпохи (царствования Николая I и Александра II) указывает на то, что эсхатологические представления (хотя и в меньшем размере) посещали умы представителей царской элиты в связи с непониманием пути развития русского самодержавия (Ф.Ф. Вигель, А.М. Фадеев).

теоретизировал на отвлеченные темы. Вместо этого он достаточно бесхитростно пересказывал все, что видел, с некоторым упором на сплетни и слухи двора. Благодаря такой простоте, его мемуары весьма точно передают атмосферу окружения последнего царя и являются бесценным источником по истории отечественных политических элит.

Генерал А.А. Брусилов полагал, что «новая, переворачивающаяся страница нашей истории неизбежно вытекала из прошлого и, не поняв или не обратив внимания на это прошлое, все настоящее могло, да и должно было, показаться странным и непонятным» (Брусилов, 2014).

Командующий царской гвардией генерал В.М. Безобразов (1857–1932) отмечал, что его «дневник, за время Великой Войны (1914–1916) не может быть боевой историей Гвардейского корпуса, но может послужить лишь некоторой, незначительной справкой для будущего составления. На самом деле мой дневник есть просто хронологическое изложение того, что я видел, слышал и делал при той, малой осведомленности всякого начальника, входящего в состав огромного фронта армии и обреченного на линейную войну» (Сионова, Ляйрих, 2009: 253-254).

Эсхатологические настроения в элите определялись общим ее умонастроением, что все идет плохо и никто не знает, что с этим плохим делать. Начавшаяся в высших государственных кругах политическая и кадровая чехарда особенно обострилась в годы Первой мировой войны. Эти системные сбои были замечены самой элитой еще в ходе Первой русской революции (Деникин, 2015: 215), а к 1917 г. они лишь усилились.

Действительно, чем ближе приближался роковой 1917 г., тем все меньше в высшем обществе понимали, что собственно происходит с Россией (Боткина, 2010: 217). Слухи умножались, ясность исчезала. Источником всех тревожных предчувствий было общее понимание утраты качества превосходства в политическом классе – родовая аристократия и столбовое дворянство вырождались, а процесс естественного генезиса элиты был нарушен ее отрицательной селекцией.

4. Результаты

Царский двор. В России того времени было несколько «барометров», отражавших состояние общества и государства в целом. Одним из таких диагностических «средств» был царский двор. Уже задним числом многие в своих мемуарах отмечали о том гнетущем чувстве неудовлетворенности и разочарования в российском самодержавии, которое они испытывали, глядя на последнего русского царя и его ближайшее окружение. Царю они вменяли в вину неумение подбирать на ключевые государственные посты профессионалов, а самих его назначенцев винили в том, что они умножают роковые ошибки и сами ведут самодержавие в его неминуемой катастрофе (Деникин, 2015: 221).

О нравах тех времен свидетельствует деформация таких качеств, как дружба и любовь. Мораль становилась все более формальной. Этикет вытеснял живые чувства, отдавая предпочтение рафинированности и блеску формы, скрывающей убогость содержания. Многие аристократы стремились быть «друзьями» великих князей, на самом деле становясь их придворными «шутами» (Теляковский, 1965: 63). Для многих салонная жизнь была главным смыслом их бесцельного существования, а интриги, сплетни и различные «истории» являлись оправданием погони за престижем (Осин, 2013). Придворная жизнь стала заложницей этикета, традиции которого уходили корнями в седую феодальную древность (Половцов, 2001: 304; Милютин, 2006: 32; Милютин, 2008: 53).

Последний лейб-медик Е.С. Боткин (1865–1918) писал в письме к брату (21.11.1909) о ближайшем царском окружении: «Здесь существует так много мелких людей. Их интриги настолько подлы и настолько гнусны! А их непростительные задние мысли настолько пачкают все, что против них совершенно невозможно защищаться. Нужно обладать их мыслями и их испорченной душой, чтобы иметь возможность противостоять их невероятным комбинациям» (Боткина, 2010: 98). Придворное окружение напоминало собой болото, в котором собирались представители высшего общества, прорвавшиеся наверх благодаря отрицательной селекции элит. Этикет, церемонии при дворе играли определяющую роль. А.Ф. Тютчева в своих мемуарах признавалась, что «придворная жизнь, по существу, жизнь условная, и этикет необходим для того, чтобы поддерживать ее престиж... Этикет создает атмосферу всеобщего уважения, когда каждый ценой свободы и удобств сохраняет свое достоинство» (Тайны царского Двора, 1997: 206). Вне этих церемоний представители высшего света себя просто не мыслили. «Тем не менее, надо признать, что в эту эпоху русский двор имел чрезвычайно блестящую внешность» (Тайны царского Двора, 1997: 198). Но за внешним блеском придворной роскоши стояла убогость его духовного мира.¹

¹ Французский посол в России Морис Палеолог тоже отмечал пышность двора Российской империи. В июле 1914 г. он записал в дневнике: «По пышности мундиров, по роскоши туалетов, по богатству ливрей, по пышности убранства, общему выражению блеска и могущества зрелище так великолепно, что ни один двор в мире не мог бы с ним сравниться. Я надолго сохранил в глазах ослепительную лучистость драгоценных камней, рассыпанных на женских плечах. Это фантастический поток алмазов, жемчуга, рубинов, сапфиров, изумрудов, топазов, бериллов – поток света и огня» (Палеолог, 2003: 14).

Вызывала серьезные нарекания и сама царская семья. Личность последнего русского царя откровенно раздражала многих. Так, русский историк В.О. Ключевский в дневниковых записях весьма точно выразил свое отношение к этой исторической фигуре: «отец [Александр III] еще умел кой-что строить; сын [Николай II] способен только городить» (Ключевский, 1993: 58). На официальных приемах и встречах царь использовал стандартные обороты речи, задавая своим собеседникам стандартные вопросы, часто не предусматривающие никаких содержательных ответов. Чаще всего этикет вообще запрещал задавать царю вопросы.

Последнюю русскую царицу считали «бедоносицей», с ее появлением в России для царской династии настали последние, самые несчастливые времена. Особую трагедийность придавала ей ее «английская кровь». Александра Федоровна была внучкой королевы Виктории, с которой и начался передаваемый по наследству недуг гемофилии (Боткина, 2010: 154-156). Женщины этой семьи не могли родить здорового наследника мужского пола.

Эсхатологические настроения просто витали при царском дворе. Очевидцы отмечали, что царский двор Николая II постоянно находился в состоянии «вечного траура», «так как из-за величины Царской династии и большого количества связей с Царствующими Домами Европы смертельные случаи при Дворах следовали непрерывно» (Боткина, 2010: 82). Приходилось по каждому усопшему родственнику объявлять при Дворе траур, его общая атмосфера представляла собой «вечную панихиду».

Еще одним наиболее распространенным упреком царизму было его обвинение в скатывании к «военщине». Речь, в частности, касается того, что армейская культура переносилась на гражданские стороны общественной жизни, подчиняя их своим правилам.

Особенности элитарной рефлексии. Для многих представителей царской элиты революция 1917 г. стала роковым событием в их личной истории. Многие потеряли в ней все. Но еще задолго до тех событий ими обнаружилось нечто, что должно было заставить их пересмотреть свои базовые ценности и начать внутреннюю перестройку самих себя. Особенности элитарной рефлексии заключались в попытке разобраться в сущности обнаруженной в себе духовной пустоты.

Анализируя мемуарную литературу того времени, мы видим, как постепенно элитами утрачивается чувство классового превосходства и политического преимущества. Серьезным стрессом, связанным с фигурой русского царя, была утрата в обществе чувства справедливости, реализация которой всегда связывалась именно с главной самодержавной фигурой (Кожокин, 2017: 111).

Пессимистические умонастроения росли в дворянской среде по мере роста кризиса самого служилого сословия. Так, последний государственный секретарь (1911–1917) С.Е. Крыжановский (1862–1935) в своих «Воспоминаниях» пришел к выводу о том, что дворянство «к концу царствования императора Александра III из положения элемента, поддерживавшего престол, перешло уже на положение государственно призрваемого. Оно требовало для поддержания внешности и видимости непрерывных вспомоществований в той или иной форме из средств государственного казначейства и становилось тунеядцем» (Крыжановский, 2009: 138). В элите постепенно формировался комплекс ненужного (лишнего) человека. Утрата жизненных ориентиров приводила к дезорганизации ее рядов.

Дворянство постепенно превращалось в обременительное для казны иждивенчество. Теперь уже не оно служило короне, а сама корона обязана была служить его интересам. Об этом открыто писали многие. Например, дворянин Н.П. Семенов в работе «Наше Дворянство», выражая интересы своего сословия, высказывает правительству пожелания, направленные на упрочение своего социально «избранного круга» (Семенов, 1898: 85). По его мнению, самодержавие всем обязано дворянству и поэтому должно в трудную для него минуту поддержать его и сохранить его привилегии.

«Вирусом декаданса» была заражена и вся русская аристократия. В дневнике великого князя Константина Константиновича (1858–1915) (знаменитого «К.Р.»), мы можем встретить весьма откровенное признание: «[Меня называют] "лучшим человеком в России"». Но я знаю, каков на самом деле этот "лучший человек". Как поражены были бы все те люди, которые любят и уважают меня, если бы знали о моей развращенности! Я глубоко недоволен собой» (19.11.1903); «Жизнь моя течет счастливо, я поистине "баловень судьбы", меня любят, уважают и ценят, мне во всем везет и все удается, но... нет главного: душевного мира» (28.12.1903) (Романов, 1998). То, что великий князь говорит о себе, с полным основанием можно было бы отнести ко всему тогдашнему российскому высшему свету. Это диагноз не конкретной личности, а целого поколения людей и всего привилегированного сословия и правящего политического класса тогдашней России. Пока одни трудились во благо России, другие сходили с ума от избыточного обладания властью.

В мемуарах можно часто встретить весьма неуклюжие попытки самооправдания. Апология вообще является главной темой всей мемуарной литературы. Так, генерал А.А. Брусилов писал: «Считаю своим священным долгом писать правду для истории этой великой эпохи... Я вполне сознаю, что с самого начала революции я мог и неизбежно делал промахи. ...Я не гений и не пророк и будущего твердо знать не мог; действовал же я по совести, всеми силами стараясь тем или иным способом сохранить боеспособную армию. Я сделал все, что мог, но, повторяю, я не гений и не оказался в состоянии привести сразу в полный порядок подымающуюся народную стихию, потрясенную трехлетней войной и небывалыми потерями» (Брусилов, 2014). В целом мемуары А.А. Брусилова носят откровенно клеветнический

характер. Только себя одного он преподносит в качестве мудрого стратега, оставляя в стороне свое масонство и нарушение присяги. Он не скрывает того, что из-за его интриг в высшем военном руководстве России воцарились анархия и неуверенность (Брусиллов, 2014: 188-189).

Еще продолжались блистательные парады русских гвардейских частей, еще народ рукоплескал и кричал свое восторженное «Ура» августейшим особам, еще революционеры не были организованы и собраны для борьбы с царизмом, но в обществе уже зрели предчувствия грядущего революционного шторма, зрели те самые предчувствия, которые Ф.М. Достоевский смог озвучить в своих «Бесах» как неизбежность грядущего прихода великого хама. Эсхатологические предчувствия царскую элиту не обманули. Призрак конца их мира витал над ними все последнее столетие существования социально-политической системы.

В российском обществе активизировались люди, которых Ф.М. Достоевский назвал «бесами», – революционеры. Главным признаком революции являются беспорядки, которые возникают в глубинах масс вследствие того, что господствующие над ними элиты утрачивают способность поддерживать ранее существующий порядок в его естественном рабочем состоянии.

После 1872 г. в России должен был возникнуть иммунитет против революционного бунта. В этот год вышел роман Ф.М. Достоевского «Бесы». Но общество холодно встретило его и поспешило объявить «бредом» и «клеветой» на русскую действительность. Революционеры восприняли этот роман как злобную критику своих идей, а идеи Петра Верховенского – как аналог «Катехизиса революционера» С. Нечаева. Сам писатель отрицал это сходство, утверждая, что пытался описать определенный человеческий типаж (Достоевский, 1972–1990. Т. 29: 141-142).

Роман «Бесы» оказался самым точным предчувствием грядущей русской революции. Предупреждение прозвучало. Но оно не было услышано. Элиты отказывались верить в трагический сценарий развития событий. Они фактически проигнорировали предупреждение истории. Именно они в силу трагического стечения обстоятельств невольно стали участниками подготовки революционной ситуации сверху. Поэтому «формулу революционной ситуации» следует уточнить: революционная ситуация складывается тогда, когда верхи уже не могут управлять по-старому вследствие своей полнейшей недееспособности и дезорганизованности, а низы уже могут бороться с ними по-новому, в силу своей революционной организованности.

5. Заключение

Предчувствие неизбежного конца возникло в мировоззрении царских элит еще задолго до свержения самодержавия. Это было ощущение того, что с самодержавием творится что-то неладное, что система приходит к деградации, поскольку верхи не могут управлять по-старому, а как им управлять по-новому, они не знают. Эсхатологические настроения царской элиты стали следствием значительного вырождения аристократии и чиновничьего дворянства, ощущавших, но еще до конца так и не понимавших, что для них настали последние времена.

Было замечено, что чем ближе приближался 1917 г., тем пессимистичнее в мемуарах становились оценки действительности, тем больше появлялось разного рода критики, усиливался декаданс и общее непонимание происходящих событий (Боткина, 2010: 258-259). Однако нарастание тревоги не активизировало, а парализовало волю правящего класса. Элиты последнего русского царя в полном смысле оказались снесенными ветром революционного шторма, уйдя в политическое небытие, став достоянием истории. Многие из представителей элитного сообщества, дожившие до 1917 г., не пережили событий гражданской войны и сгинули в кровавом омуте красного террора. Уцелевшие принялись за мемуары, чтобы объяснить, прежде всего, самим себе, что же с ними на самом деле произошло и как они ко всему этому пришли.

Царские элиты упустили свой исторический шанс и были вынуждены уйти со страниц истории. Неспособность адекватно реагировать на вызовы своего времени сделала их уязвимыми для давления со стороны революционных сил, жаждущих их разрушения. Но отрицательный пример российского элитного сообщества послужил уроком для других монархических систем (прежде всего Запада), которые были вынуждены пойти на значительные либеральные и демократические уступки, заметно ограничив свои аристократические привилегии. Так, ценой собственной жизни царские элиты России показали всему миру, что надо делать, чтобы довести свою страну до катастрофы социальной революции и гражданской войны. Но этот отрицательный политический опыт, однажды уже пережитый Россией, не должен больше повториться в ее национальной истории. В российской истории было достаточно трагических потрясений, чтобы вновь желать ей новые подобные испытания...

Литература

- Аврех, 1989 – Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. М.: Наука, 1989. 251 с.
 Ананьич, Ганелин, 1999 – Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 429 с.
 Ашин, 2010 – Ашин Г.К. Элитология: история, теория, современность: Монография. М.: МГИМО (У), 2010. 600 с.

- Бердяев, 1991** – Бердяев Н.А. Духи русской революции // Из глубины. Сборник статей о русской революции. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. С. 55-90.
- Богучарский, 1912** – Богучарский В.Я. Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х годах XIX века. М.: Русская мысль, 1912. 483 с.
- Боткина, 2010** – Боткина Т.Е. Воспоминания о Царской Семье // Царский лейб-медик. Жизнь и подвиг Евгения Боткина / Сост. О.Т. Кавалевская. СПб.: Царское дело, 2010. С. 49-435.
- Боханов, 1993** – Боханов А.Н. Сумерки монархии. М.: Воскресенье, 1993. 394 с.
- Боханов, 1995** – Боханов А.Н. Сергей Юльевич Витте // Российские реформаторы XIX – начала XX вв. М.: Международные отношения, 1995. С. 221-258.
- Боханов, 1997** – Боханов А.Н. Николай II. М.: Молодая гвардия, 1997. 474 с.
- Брусилов, 2014** – Брусилов А.А. Мои воспоминания. М.: Вече, 2014. 288 с.
- Вигель, 2000** – Вигель Ф.Ф. Записки. М.: Захаров, 2000. 327 с.
- Витте, 1994** – Витте С.Ю. Воспоминания: В 3-х т. Таллин; М.: «Скиф Алекс», 1994. Т. 1. 528 с.
- Витте, 1994** – Витте С.Ю. Воспоминания: В 3-х т. Таллин; М.: «Скиф Алекс», 1994. Т. 3. 608 с.
- Водовозов, 1922** – Водовозов В.В. Граф С.Ю. Витте и император Николай II. СПб.: «Мысль», 1922. 118 с.
- Воейков, 1995** – Воейков В.Н. С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М.: Воениздат, 1995. 431 с.
- Гереш, 1998** – Гереш Э. Николай II. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. 416 с.
- Глинский, 1913** – Глинский Б.Б. Революционный период русской истории. СПб.: Новое время, 1913. 528 с.
- Деникин, 2015** – Деникин А.И. Путь русского офицера. СПб.: Питер, 2015. 352 с.
- Дневники императора Николая II (1894–1918), 2011** – Дневники императора Николая II (1894–1918). М.: РОССПЭН, 2011. 1101 с.
- Достоевский, 1972–1990** – Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Т. 29. 565 с.
- Дякин, 1988** – Дякин В.С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг.: Разложение третьионьской системы. Л.: Наука, 1988. 227 с.
- Есин, 1990** – Есин А.Б. Философский роман Ф.М. Достоевского // Достоевский Ф.М. Бесы. М.: Правда, 1990. С. 3-26.
- Жильяр, 1991** – Жильяр П. Николай II и его семья. М.: Мегapolis, 1991. 246 с.
- Зайончковский, 1964** – Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1964. 511 с.
- Зайончковский, 1970** – Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М.: Мысль, 1970. 442 с.
- Захарова, 1972** – Захарова Л.Г. Кризис самодержавия накануне революции 1905 года // Вопросы истории. 1972. № 8. С. 119-140.
- Зимин, 2011** – Зимин И.В. Взрослый мир императорских резиденций: вторая четверть XIX – начало XX в. М.: Центрполиграф, 2011. 556 с.
- Зырянов, 1992** – Зырянов П.Н. Петр Столыпин: политический портрет. М.: Высшая школа, 1992. 157 с.
- Иоффе, 1977** – Иоффе Г.З. Крах российской монархической контрреволюции. М.: Наука, 1977. 320 с.
- Иоффе, 1992** – Иоффе Г.З. Революция и судьба Романовых. М.: Республика, 1992. 349 с.
- Карелин, Степанов, 1998** – Карелин А.П., Степанов С.А. Витте-финансист, политик, дипломат. М.: Терра – Книжный клуб, 1998. 464 с.
- Карлейль, 1994** – Карлейль Т. Герои, почитание героев и героическое в истории // Карлейль Т. Теперь и прежде. М.: Республика, 1994. С. 5-198.
- Касвинов, 1989** – Касвинов М.К. Двадцать три ступени вниз. М.: Мысль, 1989. 459 с.
- Кинг, 2000** – Кинг Г. Императрица Александра Федоровна: Биография. М.: Захаров, 2000. 462 с.
- Кинг, Вильсон, 2000** – Кинг Г., Вильсон П. Романовы: Судьба царской династии. М.: Эксмо, 2005. 974 с.
- Ключевский, 1993** – Ключевский В.О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М.: Мысль, 1993. 415 с.
- Кожокин, 2017** – Кожокин Е.М. Закончилась ли Великая русская революция? // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 109-124.
- Коковцов, 1992** – Коковцов В.Н. Из моего прошлого: Воспоминания. 1903–1919. М.: Наука, 1992. 449 с.
- Колоницкий, 2010** – Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 676 с.
- Колоницкий, 2012** – Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб.: Лики России, 2012. 318 с.

- Корелин, Степанов, 1998** – Корелин А.П., Степанов С.А. С.Ю. Витте – финансист, политик, дипломат. М.: Терра, 1998. 462 с.
- Корольков, 1901** – Корольков К.Н. Жизнь и царствование Императора Александра III (1881–1894 гг.). Киев: Тип. И.И. Чоколова, 1901. 270 с.
- Крыжановский, 2009** – Крыжановский С.Е. Воспоминания: из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. СПб.: Изд-во "Российской нац. б-ки", 2009. 228 с.
- Куликов, 2004** – Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань: П.А.Трибунский, 2004. 472 с.
- Курлов, 1991** – Курлов П.Г. Гибель Императорской России (воспоминания). М.: Современник, 1991. 255 с.
- Левин, 1919** – Левин К.Н. Последний русский царь Николай II. Харьков: Изд. бюро при Нар. ком. просвещения, 1919. 66 с.
- Лотман, 1949** – Лотман Ю.М. Краткие наставления Русским рыцарям М.А. Дмитриева-Мамонова // *Вестник ЛГУ*. 1949. № 7. С. 137-147.
- Любош, 1924** – Любош С.Б. Последние Романовы. Л.-М.: «Петроград», 1924. 288 с.
- Масси, 1996** – Масси Р.К. Николай и Александра. М.: Пресс-солю, 1996. 607 с.
- Милютин, 2006** – Милютин Д.А. Воспоминания. 1868–1873 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М.: РОССПЭН, 2006. 734 с.
- Милютин, 2008** – Милютин Д.А. Дневник. 1873–1875 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М.: РОССПЭН, 2008. 440 с.
- Мироненко, 2017** – Мироненко С.В. Александр I и декабристы: Россия в первой четверти XIX века. Выбор пути. М.: Кучково поле, 2017. 400 с.
- Мосолов, 1938** – Мосолов А.А. При дворе императора. Рига: Филин, 1938. 232 с.
- Ольденбург, 1992** – Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. М.: Терра, 1992. 640 с.
- Осин, 2013** – Осин В.М. Дворцовые интриги и политические авантюры. Записки Марии Клейнмихель. М.: АСТ, 2013. 448 с.
- Островский, 1992** – Островский И.В. П.А. Столыпин и его время. Новосибирск: Наука, 1992. 142 с.
- Палеолог, 2003** – Палеолог М. Дневник посла. М.: Захаров, 2003. 829 с.
- Победоносцев, 1925** – Победоносцев К.П. Письма Победоносцева к Александру III. Т. I / Предисл. М.Н. Покровского. М.: Новая Москва, 1925. 448 с.
- Победоносцев, 1993** – Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени. М., 1993.
- Половцов, 2001** – Половцов А.А. Дневник // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. С. 298-310.
- Попов, 1913** – Попов А.Д. Царь-Миротворец Император Александр III. М.: Сытин, 1913. 56 с.
- Романов, 1998** – Романов К.К. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. М.: Искусство, 1998. 493 с.
- Семенов, 1898** – Семенов Н.П. Наше дворянство. СПб.: Тип. СПб. акц. общ. печ. дела в России, 1899. 103 с.
- Сионова, Ляйрих, 2009** – Сионова С.А., Ляйрих Е.Б. Дневник генерала В.М. Безобразова. Хроника событий. 1917 г. // *Филологос*. 2009. № 1–2 (5). С. 251-262.
- Соловьев, 1973** – Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л.: Наука, 1973. 383 с.
- Степун, 1991** – Степун Ф.А. «Бесы» и большевистская революция // Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси. М.: Столица, 1991. С. 365-376.
- Тайны царского Двора, 1997** – Тайны царского Двора (из записок фрейлин). Сборник. М.: Знание, 1997. 352 с.
- Твардовская, 1997** – Твардовская В.А. Александр III // Романовы. Исторические портреты. Кн. 2. М.: Армада, 1997. 683 с.
- Теляковский, 1965** – Теляковский В.А. «Воспоминания», Театральные мемуары. Л.-М.: Искусство, 1965. 481 с.
- Толстой, 1984** – Толстой Л.Н. Царю и его помощникам обращение Льва Николаевича Толстого // Собрание сочинений в 22 т. М.: Художественная литература, 1978–1985. Т. 17. С. 193-197.
- Троцкий, 2017** – Троцкий Л.Д. Истории русской революции. М.: Вече, 2017. 610 с.
- Труайя, 2003** – Труайя А. Николай II. М.: Эксмо, 2003. 476 с.
- Тютчева, 1990** – Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров: воспоминания и дневники. М.: Мысль, 1990. 64 с.
- Уртман, 2004** – Уртман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 2. М.: ОГИ, 2004. 796 с.
- Фадеев, 1897** – Фадеев А.М. Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева. 1790–1867 гг. Одесса: Тип. Южно-рус. о-ва печ. дела, 1897. 256 с.
- Ферро, 1991** – Ферро М. Николай II. М.: Международные отношения, 1991. 349 с.

- Чулков, 1928 – Чулков Г.И. Императоры России: психологические портреты. М.-Л.: Государственное издательство, 1928. 367 с.
- Чуриуха, 2001 – Чуриуха В.Г. Александр III // Александр III. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. 400 с.
- Юсупов, 2001 – Юсупов Ф.Ф. Мемуары. М.: Захаров, 2001. 428 с.
- Erickson, 2001 – Erickson C. Alexandra: The Last Tsarina. London: Constable, 2001. 390 p.
- Lieven, 1989 – Lieven, D.C.B. Russia's rulers under the old regime. New Haven; London: Yale univ. press, 1989. 407 p.

References

- Anan'ich, Ganelin, 1999 – Anan'ich, B.V., Ganelin, R.Sh. (1999). Sergej Jul'evich Vitte i ego vremja [Sergey Yulyevich Witte and his time]. SPb.: Dmitrij Bulanin. 429 p. [in Russian]
- Ashin, 2010 – Ashin, G.K. (2010). Elitologiya: istoriya, teoriya, sovremennost' [Elite studies: history, theory, modernity]. M.: MGIMO (U). 600 p. [in Russian]
- Avreh, 1989 – Avreh, A.Ja. (1989). Carizm nakanune sverzhenija [The tsarist government on the eve of the overthrow]. M.: Nauka. 251 p. [in Russian]
- Berdyaev, 1991 – Berdyaev, N.A. (1991). Duhi russkoj revolyucii [Spirits of the Russian revolution]. Iz glubiny. Sbornik statej o russkoj revolyucii. M.: Izd-vo Mosk. un-ta. Pp. 55-90. [in Russian]
- Bogucharskij, 1912 – Bogucharskij, V.Ja. (1912). Iz istorii politicheskoj bor'by v 70-h i 80-h godah XIX veka [From the history of political struggle in the 70s and 80s of the XIX century]. M.: Russkaja mysl'. 483 p. [in Russian]
- Bohanov, 1993 – Bohanov, A.N. (1993). Sumerki monarhii [Twilight of the monarchy]. M.: Voskresen'e. 394 p. [in Russian]
- Bohanov, 1995 – Bohanov, A.N. (1995). Sergej Jul'evich Vitte [Sergey Witte]. Rossijskie reformatory XIX - nachala XX vv. M.: Mezhdunarodnye otnoshenija. Pp. 221-258. [in Russian]
- Bohanov, 1997 – Bohanov, A.N. (1997). Nikolaj II [Nicholas II]. M.: Molodaja gvardija. 474 p. [in Russian]
- Botkina, 2017 – Botkina, T.E. (2017). Vospominaniya o Carskoj Sem'e [Memories of the Royal Family]. Carskij lejv-medik. Zhizn' i podvig Evgeniya Botkina. SPb.: Carskoe delo. Pp. 49-435. [in Russian]
- Brusilov, 2014 – Brusilov, A.A. (2014). Moi vospominaniya [My memoirs]. M.: Veche. 288 p. [in Russian]
- Chulkov, 1928 – Chulkov, G.I. (1928). Imperatory Rossii: psihologicheskie portrety [Emperors of Russia: the psychological portraits]. M.-L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 367 p. [in Russian]
- Churiuha, 2001 – Churiuha, V.G. (2001). Aleksandr III [Alexander III]. Aleksandr III. Vospominaniya. Dnevnik. Pis'ma. SPb.: Pushkinskij fond. 400 p.
- Denikin, 2015 – Denikin, A.I. (2015). Put' russkogo oficera [The path of the Russian officer]. SPb.: Piter. 352 p. [in Russian]
- Djakin, 1988 – Djakin, B.C. (1998). Burzhuzazija, dvorjanstvo i carizm v 1911-1914 gg.: Razlozhenie tret'ijun'skoj sistemy [The bourgeoisie, the nobility, and tsarism in 1911-1914: the Disintegration of the third-Jun system]. L.: Nauka. 227 p. [in Russian]
- Dnevnik imperatora Nikolaja II (1894-1918), 2011 – Dnevnik imperatora Nikolaja II (1894-1918) [Diaries of Emperor Nicholas II (1894-1918)]. M.: ROSSPEN. 1101 p. [in Russian]
- Dostoevskij, 1972-1990 – Dostoevskij, F.M. (1972-1990). Polnoe sobranie sochinenij v 30 t. [The complete works in 30 vols.]. L.: Nauka. T. 29. 565 p. [in Russian]
- Erickson, 2001 – Erickson, S. (2001). Alexandra: The Last Tsarina. London: Constable, 2001. 390 p.
- Esin, 1990 – Esin, A.B. (1990). Filosofskij roman F.M. Dostoevskogo [F.M. Dostoevsky's philosophical novel]. Dostoevskij F.M. Besy. M.: Pravda. Pp. 3-26. [in Russian]
- Fadeev, 1897 – Fadeev A.M. (1897). Vospominaniya Andreya Mihajlovicha Fadeeva. 1790–1867 gg. [The Memoirs of Andrei Mikhailovich Fadeev. 1790–1867 gg.]. Odessa: tip. YUzhno-rus. o-va pech. Dela. 256 p. [in Russian]
- Ferro, 1991 – Ferro, M. (1991). Nikolaj II [Nicholas II]. M.: Mezhdunarodnye otnoshenija. 349 p. [in Russian]
- Geresh, 1998 – Geresh, Je. (1998). Nikolaj II [Nicholas II]. Rostov-na-Donu: Feniks. 416 p. [in Russian]
- Glinskij, 1913 – Glinskij, B.B. (1913). Revoljucionnyj period russkoj istorii [Revolutionary period of Russian history]. SPb.: Novee vremja. 528 p. [in Russian]
- Ioffe, 1977 – Ioffe, G.Z. (1977). Kraih rossijskoj monarhicheskoj kontrrevolyucii [The collapse of the Russian monarchical counterrevolution]. M.: Nauka. 320 p. [in Russian]
- Ioffe, 1992 – Ioffe, G.Z. (1992). Revoljucija i sud'ba Romanovyh [Revolution and the fate of the Romanovs]. M.: Respublika. 349 p. [in Russian]
- Jusupov, 2001 – Jusupov, F.F. (201). Memuary [Memoir]. M.: Zaharov. 428 p. [in Russian]
- Karlej', 1994 – Karlej', T. (1994). Geroi, pochitanie geroev i geroicheskoe v istorii [Heroes, hero worship and the heroic in history]. Teper' i prezhd'e. M.: Respublika. Pp. 5-198. [in Russian]

- Kasvinov, 1989** – *Kasvinov, M.K.* (1989). Dvadcat' tri stupeni vniz [Twenty-three steps down]. M.: Mysl'. 459 p. [in Russian]
- King, 2000** – *King, G.* (2000). Imperatrica Aleksandra Fedorovna: Biografija [Empress Alexandra Feodorovna: Biography]. M.: Zaharov. 462 p. [in Russian]
- King, Vil'son, 2000** – *King, G., Vil'son, P.* (2000). Romanovy: Sud'ba carskoj dinastii [Romanovs: the Fate of the tsarist dynasty]. M.: Jeksmo. 974 p. [in Russian]
- Klyuchevskij, 1993** – *Klyuchevskij, V.O.* (1993). Aforizmy. Istoricheskie portrety i etyudy. Dnevnik [Aphorisms. Historical portraits and sketches. Diaries]. M.: Mysl'. 415 p. [in Russian]
- Kokovcov, 1992** – *Kokovcov, V.N.* (1992). Iz moego proshlogo: Vospominanija [From my past: Memories]. 1903-1919. M.: Nauka. 449 p. [in Russian]
- Kolonickij, 2010** – *Kolonickij, B.I.* (2010). «Tragicheskaja jerotika»: obrazy imperatorskoj sem'i v gody Pervoj mirovoj vojny ["Tragic erotica": images of the Imperial family during the First world war]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 676 p. [in Russian]
- Kolonickij, 2012** – *Kolonickij, B.I.* (2012). Simvoly vlasti i bor'ba za vlast': k izucheniju politicheskogo kul'tury rossijskoj revoljucii 1917 goda [Symbols of power and the struggle for power: to study the political culture of the Russian revolution of 1917]. SPb.: Liki Rossii. 318 p. [in Russian]
- Korelin, Stepanov, 1998** – *Korelin, A.P., Stepanov, S.A.* (1998). S.Ju. Vitte – finansist, politik, diplomat [S.Y. Witte-financier, politician, diplomat]. M.: Terra. 462 p. [in Russian]
- Korol'kov, 1901** – *Korol'kov, K.N.* (1901). Zhizn' i carstvovanie Imperatora Aleksandra III (1881-1894 gg.) [Life and reign of Emperor Alexander III (1881-1894)]. Kiev: tip. I.I. Chokolova. 270 p. [in Russian]
- Kozhokin, 2017** – *Kozhokin, E.M.* (2017). Zakonchilas' li Velikaya russkaya revolyuciya? [Did the Great Russian revolution end?]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 6: 109-124. [in Russian]
- Kryzhanovskij, 2009** – *Kryzhanovskij, S.E.* (2009). Vospominaniya: iz bumag S.E. Kryzhanovskogo, poslednego gosudarstvennogo sekretarya Rossijskoj imperii [Memoirs: from the papers of S.E. Kryzhanovskij, the last state Secretary of the Russian Empire]. SPb.: Izd-vo "Rossijskoj nac. b-ki". 228 p. [in Russian]
- Kulikov, 2004** – *Kulikov, C.B.* (2004). Bjurokraticheskaja jelita Rossijskoj imperii nakanune padenija starogo porjadka (1914-1917) [The bureaucratic elite of the Russian Empire on the eve of the fall of the old order (1914-1917)]. Rjazan': P.A.Tribunskij. 472 p. [in Russian]
- Kurlov, 1991** – *Kurlov, P.G.* (1991). Gibel' Imperatorskoj Rossii (vospominaniya) [The death of Imperial Russia (memoirs)]. M.: Sovremennik. 255 p. [in Russian]
- Levin, 1919** – *Levin, K.N.* (1919). Poslednij russkij car' Nikolaj II [The last Russian Tsar Nicholas II]. Har'kov: Izd. bjuro pri Nar. kom. Prosveshhenija. 66 p. [in Russian]
- Lieven, 1989** – *Lieven, D.C.B.* (1989). Russia's rulers under the old regime. New Haven; London: Yale univ. press, 1989. 407 p
- Ljubosh, 1924** – *Ljubosh, S.B.* (1924). Poslednie Romanovy [The Last Romanovs]. L- M.: «Petrograd». 288 p. [in Russian]
- Lotman, 1949** – *Lotman, Y.M.* (1949). Kratkie nastavljeniya Russkim rycaryam M.A. Dmitrieva-Mamonova [Brief instructions to Russian knights by M. A. Dmitriev-Mamonov]. *Vestnik LGU*. 7: 137-147. [in Russian]
- Massi, 1996** – *Massi, R.K.* (1996). Nikolaj i Aleksandra [Nicholas and Alexandra]. M.: Press-solo. 607 p. [in Russian]
- Milyutin, 2006** – *Milyutin, D.A.* (2006). Vospominaniya. 1868–1873 [Memories. 1868–1873]. M.: ROSSPEN. 734 p. [in Russian]
- Milyutin, 2008** – *Milyutin, D.A.* (2008). Dnevnik. 1873-1875 [Diary. 1873-1875]. M.: ROSSPEN. 440 p. [in Russian]
- Mironenko, 2017** – *Mironenko, S.V.* (2017). Aleksandr I i dekabristy: Rossiya v pervoj chetverti XIX veka. Vybor puti [Alexander I and the Decembrists: Russia in the first quarter of the XIX century. Choosing a path]. M.: Kuchkovo pole. 400 p. [in Russian]
- Mosolov, 1938** – *Mosolov A.A.* (1938). Pri dvore imperatora [At the court of the Emperor]. Riga: Filin. 232 p. [in Russian]
- Ol'denburg, 1992** – *Ol'denburg, S.S.* (1992). Carstvovanie imperatora Nikolaja II [The reign of Emperor Nicholas II]. M.: Terra. 640 p. [in Russian]
- Osin, 2013** – *Osin, V.M.* (2013). Dvorcovye intrigi i politicheskie avantyury. Zapiski Marii Klejnmihel' [Palace intrigues and political adventures. Notes of Maria Kleinmichel]. M.: AST. 448 p. [in Russian]
- Ostrovskij, 1992** – *Ostrovskij, I.V.* (1992). P.A. Stolypin i ego vremja [P. A. Stolypin and his time]. Novosibirsk: Nauka. 142 p. [in Russian]
- Paleolog, 2003** – *Paleolog, M.* (2003). Dnevnik posla [Ambassador's diary]. M.: Zaharov. 829 p. [in Russian]
- Pobedonoscev, 1925** – *Pobedonoscev, K.P.* (1925). Pis'ma Pobedonosceva k Aleksandru III [Letters of Pobedonoscev to Alexander III]. M.: Novaya Moskva. 448 p. [in Russian]
- Polovcov, 2001** – *Polovcov, A.A.* (2001). Dnevnik [Diary]. *Aleksandr Tretij: Vospominaniya. Dnevnik. Pis'ma*. SPb.: Pushkinskij fond. Pp. 298-310. [in Russian]

- Popov, 1913** – *Popov, A.D.* (1913). Car'-Mirotvorec Imperator Aleksandr III. M.: Sytin. 56 p. [in Russian]
- Romanov, 1998** – *Romanov, K.K.* (1998). Dnevnik. Vospominaniya. Stih. Pis'ma [Diaries. Memories. Poems. Letters]. M.: Iskusstvo. 493 p. [in Russian]
- Semenov, 1898** – *Semenov, N.P.* (1898). Nashe dvoryanstvo [Our nobility]. SPb.: Tip. Spb. akc. obshch. pech. dela v Rossii. 103 p. [in Russian]
- Sionova, Lyajrih, 2009** – *Sionova, S.A., Lyajrih, E.B.* (2009). Dnevnik generala V.M. Bezobrazova. Hronika sobytij. 1917 g. [Diary of General V. M. Bezobrazov. Chronicle of events. 1917]. *Filologos.* 1-2 (5): 251-262. [in Russian]
- Solov'ev, 1973** – *Solov'ev, Ju.B.* (1973). Samoderzhavie i dvorjanstvo v konce XIX veka [Autocracy and nobility in the late nineteenth century]. L.: Nauka. 383 p. [in Russian]
- Stepun, 1991** – *Stepun, F.A.* (1991). «Besy» i bol'shevistskaya revolyuciya ["The possessed" and the Bolshevik revolution]. *Russkoe zarubezh'e v god tysyacheletiya kreshcheniya Rusi.* M.: Stolica. Pp. 365-376. [in Russian]
- Tajny carskogo Dvora, 1997** – Tajny carskogo Dvora (iz zapisok frejlin) [Ainu of the Royal Court (from the notes of ladies-in-waiting)]. M.: Znanie, 1997. 352 p. [in Russian]
- Telyakovskij, 1965** – *Telyakovskij, V.A.* (1965). «Vospominaniya», Teatral'nye memuary ["Memories", a Theatrical memoir]. L-M.: Iskusstvo. 481 p. [in Russian]
- Tjutcheva, 1990** – *Tjutcheva, A.F.* (1990). Pri dvore dvuh imperatorov: vospominaniya i dnevniki [At the court of two emperors: memoirs and diaries]. M.: Mysl'. 64 p. [in Russian]
- Tolstoj, 1984** – *Tolstoj, L.N.* (1978-1985). Caryu i ego pomoshchnikam obrashchenie L'va Nikolaevicha Tolstogo [To the Tsar and his assistants address by Leo Tolstoy]. *Tolstoj L.N. Sobranie sochinenij v 22 t.* M.: Hudozhestvennaya literature. T. 17. Pp. 193-197. [in Russian]
- Trockij, 2017** – *Trockij, L.D.* (2017). Istorii russkoj revolyucii [History of the Russian revolution]. M.: Veche. 610 p. [in Russian]
- Truajja, 2003** – *Truajja, A.* (2003). Nikolaj II [Nicholas II]. M.: Jeksmo. 476 p. [in Russian]
- Tvardovskaja, 1997** – *Tvardovskaja, V.A.* (1997). Aleksandr III [Alexander III]. Romanovy. Istoricheskie portrety. Kn. 2. M.: Armada. 683 p. [in Russian]
- Uortman, 2004** – *Uortman, R.* (2004). Scenarii vlasti. Mify i ceremonii russkoj monarhii [Power scenarios. Myths and ceremonies of the Russian monarchy]. T. 2. M.: OGI. 796 p. [in Russian]
- Vigel', 2000** – *Vigel', F.F.* (2000). Zapiski [Notes]. M.: Zaharov. 327 p. [in Russian]
- Vitte, 1994** – *Vitte, S.Y.* (1994). Vospominaniya [Memories]: v 3 t. Tallin; M.: «Skif Aleks». T. 1. 528 p. [in Russian]
- Vitte, 1994** – *Vitte, S.Y.* (1994). Vospominaniya [Memories]: v 3 t. Tallin; M.: «Skif Aleks». T. 3. 608 p. [in Russian]
- Vodovozov, 1922** – *Vodovozov, V.V.* (1922). Graf S.Ju. Vitte i imperator Nikolaj II [Count S. Y. Witte and Emperor Nicholas II]. SPb: «Mysl'». 118 p. [in Russian]
- Voejkov, 1995** – *Voejkov, V.N.* (1995). S carem i bez carja: Vospominaniya poslednego dvorcovogo komendanta gosudarja imperatora Nikolaja II [With the Tsar and without the Tsar: Memoirs of the last Palace commandant of Emperor Nicholas II]. M.: Voenizdat. 431 p. [in Russian]
- Zaharova, 1972** – *Zaharova, L.G.* (1972). Krizis samoderzhavija nakanune revoljucii 1905 goda [The crisis of autocracy on the eve of the 1905 revolution]. *Voprosy istorii.* № 8. Pp. 119-140. [in Russian]
- Zajonchkovskij, 1964** – *Zajonchkovskij, P.A.* (1964). Krizis samoderzhavija na rubezhe 1870-1880-h godov [The crisis of autocracy at the turn of the 1870s and 1880s]. M.: Izd-vo Mosk. un-ta. 511 p. [in Russian]
- Zajonchkovskij, 1970** – *Zajonchkovskij, P.A.* (1970). Rossijskoe samoderzhavie v konce XIX stoletija [Russian autocracy at the end of the XIX century]. M.: Mysl'. 442 p. [in Russian]
- Zhil'jar, 1991** – *Zhil'jar, P.* (1991). Nikolaj II i ego sem'ja [Nicholas II and his family]. M.: Megapolis. 246 p. [in Russian]
- Zimin, 2011** – *Zimin I.V.* (2011). Vzroslyj mir imperatorskih rezidencij: vtoraja chetvert' XIX – nachalo XX v. [The adult world of Imperial residences: the second quarter of the XIX – beginning of the XX century]. M.: Centrpoligraf. 556 p. [in Russian]
- Zyrjanov, 1992** – *Zyrjanov P.N.* (1992). Petr Stolypin: politicheskij portret [Pyotr Stolypin: a political portrait]. M.: Vysshaja shkola. 157 p. [in Russian]

Эсхатологические представления царской элиты кануна Великой русской революции

Павел Леонидович Карабущенко ^a, Елена Евгеньевна Красноженова ^{b, *},
Сергей Владимирович Кулик ^b

^a Астраханский государственный университет, Астрахань, Российская Федерация

^b Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург,
Российская Федерация

Аннотация. Великая русская революция 1917 г. стала тем роковым событием в жизни царских элит, которое они не смогли преодолеть и которое сломало их как основу принятия и осуществления управленческих решений. Нарастание в российской империи кризисных явлений приводило к росту революционного движения, которое, в свою очередь, оказывало непосредственное влияние на формирование в правящих элитах отрицательных настроений и предчувствия грядущего конца их существования. Царствование последних двух российских императоров одновременно стало и временем последнего взлета российского имперского могущества, и временем глубокого системного политического кризиса. Попытки осмысления сущности этих событий предпринимались элитами уже тогда. Но не всегда эти оценки носили объективный и конструктивный характер.

В своих воспоминаниях многие представители политического класса России стремились дать достаточно объективную, хотя не всегда научную, оценку происходящих в стране событий, связанных с кризисом системы управления. Одни (как генерал А.И. Деникин) указывали на то, что власти опоздали с проводимыми в стране реформами, другие (как К.Н. Победоносцев) утверждали, что страна недостаточно «заморожена» и что ее следует еще больше «морозить». В настоящей работе рассматриваются особенности мировоззрения элит, связанные с их ощущениями общественно-политической действительности накануне революционного переворота. Их эсхатологические предчувствия были предопределены ощущением своего собственного исторического бессилия и невозможности своими силами изменить ситуацию в лучшую для себя сторону.

Ключевые слова: элита, революция, эсхатология, хаос, кризис, управление, самодержавие, царизм, карнавальная политическая культура, мемуары.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: eleena@inbox.ru (Е.Е. Красноженова)